

Литературоведение

УДК 861.161
DOI 10.17223/18137083/70/5

С. К. Севастьянова

*Рубцовский индустриальный институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет
им. И. И. Ползунова»
Институт филологии СО РАН, Новосибирск*

Способы визуализации в рассказах о человеческом сердце в русском сборнике «Великое Зерцало»

В трех рассказах сборника «Великое Зерцало»: о сердце воина-мученика, отмеченном золотым логотипом имени Христа, и о сердцах грешников-сребролюбцев, терзаемых змеем и лягушками, рассмотрены художественные средства визуальной рецепции. Понимание сердца как одновременно жизненно важного органа и средоточия духовной сущности человека реализуется в сборнике с помощью «внешних эффектов» и определенных способов речевой практики, способствующих возникновению в воображении читателя живых картин и образов, обладающих зрительной отчетливостью. Это фиксация манипуляций с сердечной мышцей; использование лексики, отражающей «визуальный опыт»; внимание к эмоциям действующих лиц; введение прямой речи; зооморфные образы, олицетворяющие в народной и книжной культуре смертный грех. Сделан вывод о существовании в культурной традиции устойчивых представлений о значимости сердца.

Ключевые слова: «Великое Зерцало», тема сердца, священные отметины, художественные средства визуальной рецепции, зооморфные символы греха.

«Великое Зерцало» – сборник религиозно-назидательных рассказов, дважды переведен с польского на русский язык в последней четверти XVII в. [Державина, 1965, с. 5, 12, 14, 21, 27]. Памятник (далее – *Зерцало*) не был издан в России по причине, как полагал его первый исследователь П. В. Владимиров, католического характера отдельных рассказов [1884, с. VI]. Однако многие темы и сюжеты сборника, составленного по типу *exemplar*, были понятны и близки православному читателю, обнаруживая тесную связь как с мировой литературой, так и с народным творчеством русских.

Севастьянова Светлана Климентьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, и. о. заместителя директора по научной работе Рубцовского индустриального института (филиал) ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова» (ул. Тракторная, 2/6, Рубцовск, 658207, Россия; sevask@mail.ru); ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2020. № 1
© С. К. Севастьянова, 2020

Отдельные сюжеты и мотивы *Зерцала* в их связи с народной словесностью и литературой, бытование сборника на Руси и его литературное значение в XVIII–XX вв. неоднократно привлекали внимание ученых. Историографический анализ таких работ дан в трех обзорных статьях Е. К. Ромодановской [2004]. Однако специальных исследований о литературных приемах и жанровых особенностях статей сборника в отечественной историографии нет. Исключение составляет раздел в монографии О. А. Державиной, где перечислены наиболее заметные темы рассказов второго перевода *Зерцала*, среди которых, по мнению исследователя, тема денег и богатства занимает большое место. Охарактеризованы художественные средства, использование которых, как полагала Ольга Александровна, должно было поражать воображение читателя, – неоднородность композиции, авторские восклицания, инверсия и троекратные повторы, параллелизм и аллегория, антитеза и метафоры, спорадическая рифма, диалоги и прямая речь, введение в повествование «вещих снов», «видений» и «чудес», фиксация явлений природы [1965, с. 80, 87–96]. Художественность и выразительность статей *Зерцала*, изобразительные приемы побуждали переписчиков сопровождать описание событий иллюстрациями. Миниатюры издавались и в виде лубочных листов. В рукописях и лубке обретали зрительную отчетливость сюжеты и образы, возбуждавшие воображение читателя.

Проблема визуального и поэтика зримости все чаще привлекают исследователей. Визуальная тематика изучается в теоретическом и историческом аспектах в основном на материале художественной литературы (см. работы М. М. Бахтина, С. П. Лавлинского и Н. М. Гуровича, В. А. Подороги, М. Б. Ямпольского, В. Колотаева и др., специальное издание «*Studia Russica*» [2004]). Применяемые учеными подходы к раскрытию особенностей «зрительного опыта» автора, героя и читателя нового времени совершенно не подходят для древних текстов. Однако отдельные наблюдения над феноменом словесной наглядности и методами речевой практики, стимулирующими визуальную рецепцию и соотносительность описательных образов с запечатленными в изобразительном искусстве примерами, помогают лучше разглядеть в статьях *Зерцала* элементы словесной «пластики», способствующие возникновению в воображении читателя живых картин и образов, обладающих визуальной четкостью (см. работы Н. А. Дмитриева, Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпы, С. Н. Бройтмана, В. Е. Хализева и др.). Выявленные нами в рассказах о человеческом сердце особенности изложения помогли сформировать у читателя зрительную рецепцию.

Истоки понимания сердца как не только жизненно важного органа, но средоточия духовной сущности человека и индикатора глубины его веры восходят в христианской культуре к Священному Писанию. Именно в сердце, учила древняя аскетическая традиция, живет любовь к Богу и локализуется греховная страсть. «Само сердце – малый сосуд; но там есть змии, там есть львы, там есть ядоносные звери, там все сокровища порока, там пути негладкие и стропотные, там пропасти; но там также и Бог, там Ангелы, там жизнь и царство, там свет и Апостолы, там сокровища благодати, там есть все» [Макарий Египетский, прп., 1994, с. 280]. Символично-аллегорическая образность, при помощи которой прп.¹ Макарий обрисовал содержание внутренней полости миокарда, широко реализуется в «сердечной» тематике *Зерцала*. В примерах о любви к Богу и о греховной привязанности человека к земным благам образ сердца со знаками добродетели или порока благодаря словесной наглядности, возбуждающей визуальную рефлексию читателя, обретает видимые как «умными», так и телесными очами черты,

¹ Здесь и далее используются принятые в научных изданиях сокращения чинов святости, степеней церковной и светской иерархии.

соотносясь в архетипической памяти с символикой сердца в изобразительном искусстве.

Цель. Охарактеризовать элементы словесной предметности, способствующие изобразительности воображения в статьях *Зерцала* о сердце со знаками Бога и греха.

Гипотеза. Существование в христианской культуре устойчивых представлений о значимости сердца реализуется в *Зерцале* с помощью приемов изложения, способствующих визуальному мышлению, вызывающему зрительную рефлексию: фиксация манипуляций с сердечной мышцей, повторяющаяся в близких по тематике статьях сборника; использование лексики, отражающей «визуальный опыт»; описание сердца и его полости; внимание к эмоциям персонажей – как положительных, так и отрицательных; украшение повествования прямой речью и восклицаниями автора.

Структура статьи соответствует цели и гипотезе. В первой части сосредоточено внимание на примере о сердце со священными отметинами и способах повествования, способствующих зрительной активности читателя; вторая часть посвящена двум рассказам о сердце, пораженном грехом «лакомства», и анализу обнаруженных в них способов словесной визуализации. Статья завершается выводами.

Сердце со священными отметинами

В христианской западной культуре рассказы о сердцах со знаками Бога встречаются в учительных сборниках и жизнеописаниях святых. Благодаря рукописной и книжной традиции они стали частью польского, а затем и русского *Зерцала*. Среди рассказов сборника на тему сердца особого внимания заслуживают два: о свт. Игнатии Богоносце (гл. 377) и «едином пленнике», половинка сердца которого отмечена распятием. Первому, где раскрыты обстоятельства мученической кончины Антиохийского еп. Игнатия († 107), мы посвятили специальную статью². Поэтому обратимся лишь ко второму тексту, совершенно не изученному.

Нам известно два его варианта³ в рукописях конца XVII в.: Син. 101 (гл. 444) и Тих. 316 (гл. 1).

Образ распятого Господа нашего
Иисуса Христа, его же обретоша
в сердцы единого пленника, страдание
Господне разсуждаючи. Глава 444

О благочестивом нѣкоем
христианѣни и мученице.
Глава 1-я

О некоем мученике близ наших времен совершенною повесть слышах. Егда пленник некий единому поганину и мучителю проданный служаше, той же паки того любляше. Мученик же всегда бысть печален и плачлив, сему мучителю дивляшеся и хотяше известен быти вины того плачу и печали, и почто с прочими рабы не утешается. На еже отвеща мученик: «Со прочими аз не веселюся, но все-

Плененный нѣкий христианин служа нечестивому поганину, и в великой любви и чести бѣ пленившими его. Но христианин в *великой*, и нача случая вопрошати, чесого ради со инѣми слугами не веселится. Отвѣща мученик: «Сего ради *дряхлую печалию*, яко смерть Господа

² Севастьянова С. К. Тема сердца в сборнике «Великое Зерцало» и ее рецепция в агиологическом нарративе об Антиохийском епископе Игнатии Богоносце (в печ.)

³ Здесь и далее тексты издаются по правилам Трудов Отдела древнерусской литературы: буква «Ѣ» сохраняется во всех случаях, «ѣ» и «ь» – в середине слов; «малый юс» и йотированные «а» и «малый юс» переданы как «я»; дифтонг «оу» как «у»; титла раскрыты без оговоров; пунктуация соответствует современному прочтению.

гда печален хожду, зане смерть Бога моего воспоминаю и всегда страдания Его, язвы в сердце моем ношу».

Сие, егда мучитель услышав, зело разгневался и рече: «Абие сие искушу, еже рекл еси». И абие повеле перси мученику растерзати и сердце из него изъяти, и надвое разделить.

Егда же сердце мучениче разделиша, и абие со удивлением мучителя и прочих при нем предстоящих, дивная вещь!, ибо вместо печати часть едина сердца распятого Христа образ имеющая видена бысть же.

Мучитель узрев, верова во Христа и крестисам и весь дом его.

(Син. 101, л. 330 – 330 об.)

моего в памяти и тмою страшныя Его страсти и мук раны в сердцы своем ношу».

Сия слышав, мучитель зѣло разгнѣваясь и рече: «Аз сие вещи хочу искусити, аще тако есть». И повелѣ сердце его распороти.

И егда так сотвориша, узрѣ преже ужасное видѣние: между сердца распята Господа нашего Иисуса Христа образнѣ, яко на воску в сердцы изобразився.

Сия страшная видѣв, мучитель вѣровав Господа и прия со всѣм домом крещение».

(Тих. 316, л. 1)

Приведенные примеры имеют в изложении лексико-стилистические различия. В списке Тих. 316 легенда о воине-мученике обладает некоторой обобщенностью переложения по сравнению с Синодальным вариантом, в котором есть детали и подробности (подчеркнуты), пропуски отдельных слов и фраз (выделены курсивом). Полагаем, что причина расхождений двух вариантов – разные переводы. О бытовании в 40–50-х гг. XVII в. южнорусских переложений отдельных повестей из *Зерцала* писал П. В. Владимиров [1884, с. 46]. Рассуждая о влиянии новелл сборника на русскую литературу переходного периода, О. Д. Журавель подтвердила эти наблюдения ученого [1991, с. 53–55]. А недавно был обнаружен и охарактеризован неизвестный ранее русский перевод повести о магдебургском епископе из *Зерцала*, сделанный до середины 1660-х гг. и включенный в состав сборника «Христианоопасный щит веры...» [Демидова, 2013, с. 20].

Несмотря на наличие индивидуальных особенностей изложения, варианты статьи о воине-мученике объединяют характерные для мировых культур представления о сердце как сущности человека. Так, саги и песни скальдов идеализировали извлеченное из груди сердце отважного героя [Мелетинский, 2003]. В литературном описании подобного анатомирования У. М. Хейстад находил параллели с человеческим alter ego, личностной целостностью [2009, с. 38–39, 150–151].

В статье из *Зерцала* не сообщается о смерти пленника, что позволяет связать сюжет с известными в культурах народов мира действиями по извлечению сердца из живой плоти. Тольтеки-ацтеки рассекали грудную клетку жертвы, «утоляя» сердцем «жажду солнца» [Фрэзер, 1980, с. 654–655]. Крещеный еврей распял христианского мальчика и, вырвав его сердце, совершил магический обряд [Будур, 2011, с. 313]. Сердце живого священника-иезуита ирокезы разделили на кусочки, чтобы каждый мог вкусить плоть храброго врага (Коэн, 2005, с. 30). Ойратский тайша Матур казнил четырех переговорщиков, вырвав их сердца [Огурцов, 2005, с. 15]. Хошунный князь Тушегун-лама в ритуале «освящения знамен» принес в жертву несколько десятков людей, своими руками лишив их сердец [Луомакина, 1993, с. 74–76].

Приведенные примеры о жестокой расправе с плененной жертвой различаются по мотивированности действий, направленных на повреждение мышцы. Со статьей из *Зерцала* их объединяют представления о значимости сердца как сакрального органа. Подобную обоснованность действий с кардиомышцей находим в славянском устном народном творчестве [Смирнов, 2004, с. 24; Пименова, 2013, с. 57].

Тема сердца как жизненно важного органа, через который можно изменить сущность человека, характерна для славянского сказочного фольклора. В обра-

нии народных сказок А. Н. Афанасьева (Народные русские сказки..., 1957) мы обнаружили примеры, где этот мотив реализуется в нескольких направлениях: сердце как средоточие жизненной силы (т. 1, № 127; т. 2, № 211, 260, 262; т. 3, № 352, 355); как сущность человека (т. 2, № 215, 296; т. 3, № 309, 571); как способ наделения человека новыми способностями (т. 2, № 195, 207, 241).

Древнерусской книжности известны сюжеты, в которых героя убивают, добравшись до его сердца: половецкий хан Итларь убит Ольбергом Ратиборичем выстрелом из лука в сердце (БЛДР, т. 1, с. 258–261); мч. Нестор Солунский нанес смертельную рану в сердце силача Луя (БЛДР, т. 2, с. 180–181); конь Голиафа, направленный на Давида, споткнулся, и меч вонзился в сердце Голиафа (БЛДР, т. 3, с. 162–163); Авессалом, восставший против отца, убит тремя стрелами в сердце (БЛДР, т. 4, с. 70–71); у двурушника Андрея татары вырезали сердце (БЛДР, т. 5, с. 272–273); Москвич Адам стрелой из самострела пронзил сердце сына Тохтамышша (БЛДР, т. 6, с. 196–197) и т. д.

Сюжеты о сердце православного мученика, до которого важно добраться, чтобы одолеть героя, тоже хорошо известны русской письменной культуре. Подосланные Святополком убийцы добились ростовского кн. Бориса ударом меча в сердце (БЛДР, т. 1, с. 178–179). Перед расправой с кн. Михаилом Черниговским и боярином Феодором татары кулаками били в область их сердец (БЛДР, т. 5, с. 162–163). Вел. кн. Тверскому и Владимирскому Михаилу Ярославичу «беззаконник» Романец «вырезал честное и непорочное сердце» (БЛДР, т. 6, с. 86–87).

Очевидно, что тема сердца как локуса жизненных и духовной сил человека, в многообразии сюжетов представленная в средневековой культуре, была хорошо известна русскому читателю. Ее реализация в книжной традиции опиралась на понимание сердца в христианстве как средоточия человеческих добродетелей и веры в Бога. Изобразительности в приведенных примерах способствовало воплощение библейского учения о значимости сердца, зримой реализации которого способствовало называние инструментов и способов, с помощью которых осуществлялось воздействие на мышцу (ударить мечом и кулаком, стрелять стрелой и пинать ногами), использование лексики, подчеркивающей намерение убийцы попасть именно в сердце героя (целиться, вырезать, вонзить и пронзить).

В отличие от этих приемов визуального мышления в статье о пленнике из *Зерцала* «умопостигаемая целостность предмета» (термин Р. Арнхейма) достигалась сосредоточением внимания на самом объекте – сердечной мышце. Посылком к визуальной рефлексии выступали упоминание о желании мучителей увидеть мышцу со знаками Бога и описание действий, связанных с реализацией цели: грудь рассекают, мышцу вынимают, «в полы» «разделяют» и, наконец, осматривают. Схожесть действий в рассказах о пленнике и свт. Игнатии способствовала восприятию «разделявания» мышцы как реального процесса: «Сердце из тѣла его выняша, в полы раздѣлиша и обрѣтоша на сердце его написано златыми словами “Иисус Христос”» (Син. 101, л. 294 об.). Той же цели служили синонимы со значениями «делить»: «повеле перси мученику *растерзати* <...> и надвое *разделити*. Егда же сердце мучениче *разделиша*...» (Син. 101), и «видеть»: «И егда такъ сотвориша, *узрѣ* преже ужасное *видѣние*» (Тих. 316). Упоминания о «материале» священных знаков (золото) и расположении логотипа имени Христа в сердце (на половинке или в центре) также способствовали зримости образа; сравнение литер с оттиском «яко на воску» дополняло созданную воображением «картинку» и подчеркивало ее зрительную отчетливость.

Рассказы *Зерцала* о сердце как вместилище Бога развивали полностью ортодоксальный, восходящий к библейской кардиогносии мотив, и в его подаче использовали художественные приемы «словесной предметности», стимулирующие визуализацию мышления. Возможно, в сознании просвещенного читателя образы сердец со знаками Бога соотносились с книжной миниатюрой львовских и киев-

ских изданий второй половины XVII в., содержащей графические изображения человеческого сердца. Эти печатные иллюстрации реализовывали идею понимания священного знания и ума, способного понять слово Божие, как строк, начертанных на сердечной мышце [Шустова, 2015]. Но в православной культуре, для которой характерна умозрительная и таинственная связь человека с Богом, самостоятельный образ сердца не получил распространения ни в книжности, ни в церковном искусстве, ограничившись, в отличие от католической традиции, единичными примерами материального воплощения.

Сердце, пораженное грехом

Среди семи смертных грехов, осуждаемых Церковью, особое место занимает сребролюбие. Тема наживы и многих видов проявления этой страсти была чрезвычайно популярна в средневековом мире и обыгрывалась в многочисленных сборниках, представляющих «изнаночный мир» средневекового человека. Рассказы о ростовщиках и банкирах, процентщиках и скрягах, которых ждут адские муки, наполняли западноевропейские учительные книги. Они одновременно забавляли и ужасали подробностями описаний посмертной участи грешников.

В европейских манускриптах известны рассказы о богаче, который упросил родственников положить в гроб десять марок золотом, чтобы успокоить сердце, о проповеднике, просившем прихожан не молиться за его отца-ростовщика, чтобы душа родителя была проклята и он вечно мучился в аду, и о вдове богача много лет молившейся о душе покойного мужа, пока тот не явился ей с вестью об освобождении из ада [Гуревич, 1989, с. 69, 89, 134]. Опираясь на библейское учение о губительном влиянии сребролюбия на душу человека (1 Тим. 6: 10), эти статьи раскрывали еще одну грань средневековых представлений о сердце как вместилище греха.

Тема привязанности человека к «желтому металлу» своеобразно реализована в ряде рассказов *Зерцала*, героями которых стали богачи, живущие в свое удовольствие, купцы, попы и воины, присваивающие чужое имущество, родственники, грабящие своих близких. Особое место занимают два примера из второго перевода, ранее не привлекавшие внимание исследователей. Судя по названиям, где использовано понятие «лакомство», трактуемое в святоотеческой традиции как «безмерное желание внешних благ» (Тихон Задонский, еп., 1889, с. 3), «сердечная» проблематика раскрывается в них сквозь призму этого смертного греха. Обратимся к текстам.

О лакомстве, како некоего лакомага сердце отдася в руце диавола. Глава 695

Некий лакомец и чрезмерный любитель сребра, егда множество сокровища // собра, никогда же хотя милостыни подати, ниже что Бога ради сотворити, и се наглою смертию внезапно умре. Советовав же его сродницы и друзи, – вложит бо ся им от Бога, – повелеша утробу его прорезав, сердца осмотрить, кое прилучение напрасной его смерти.

И егда распороша, сердце его в нем не обретесе. Сие видевше, зело удивишася и помале времени поидоша в клеть его, идеже сокровище его, да препишут, что есть.

И егда открыша вящший ларец, в нем же сребро обретоша и сердце его тамо. Дьявол бо во образе великаго змия свився, на сердцы сидя и на многия его части расторгая. Рече же к ним, иже зряху: «Се сердцу заплата от сребра и злата, мне бо прода его друг ваш, и мое есть и волю мою творю в нем». Они же се видяще, со страхом отбегше (Син. 101, л. 506 об. – 507)

Это не единственный пример в *Зерцале*, где упоминается о «диагностике» болезни и попытках определить причину смерти при вскрытии человеческого трупа.

В гл. 42 из первого перевода сборника рассказывается, как ангел «отверзе яко мечем» изболевшуюся плоть «и иземши утробу, показа <...> вреды и язвы. // Очистивши же их рукою своею и, паки во свое место положивши, затвори» (Син. 101, л. 62об. – 63). Из 103-го рассказа узнаем, как монахи, готовящие тело умершего к погребению, с интересом рассматривали внутренности: «сердце, утроба и вся составы» (л. 106 – 106 об.). К внезапно скончавшемуся от разрыва сердца паломнику был вызван врач, «да видит, от чесого ему сия смерть случися» (гл. 642, л. 457об. – 458).

Подобные сюжеты удовлетворяли интерес русского читателя не только к занимательному чтению, но и к медицинским знаниям. Со второй половины XVII в. в России активизировалось внимание к европейским достижениям в области профессиональной медицины. С новейшими методами лечебной и диагностической практик отечественных лекарей знакомили приглашенные доктора, обучавшиеся врачебному делу в европейских университетах. О состоянии медицинской культуры в Европе русские врачи узнавали и из переводных книг по анатомии и медицине. Что касается препарирования трупов в учебных и диагностических целях, то эта практика официально появилась в России при Петре I, отвечая личному интересу императора к науке и медицинским знаниям [Медведь, 2014, с. 209].

Обратимся ко второму рассказу.

О лакомстве и лихоимстве. Глава 696

Во Франции граде Метис лакомый некто лихоимец умре. Егда же умирая, моля много жену свою, да сребра мешец положит с ним во гроб. Сие жена и сотвори.

Нецый же подзревше, приидоша тайно и положенное серебро взятьи хотя. И егда открыша, // узревше две жабы зело страшны: едина на мешце седит, другая же на персех человека того, и одна серебро из мешка вынимая, другая же, раздрав сердце и перси, клала, глаголющи: «Мы сердце твое ненасыщенное наполним». Видевше же тии зело ужасошася и земли наметавше, прочь отбегоша.

Что помыслим о души человека того? Коликое мучение во аде от червья неумирающего терпит, о иже таковое чудо над телом его показася! (Син. 101, л. 507 – 507 об.).

Сюжет о лихоимце и процентщике из французского города Меца был довольно известным на средневековом Западе [Гуревич, 1989, с. 202]. Францисканец Антоний Падуанский († 1231), обличая ростовщиков, чьи сердца терзал дьявол, предлагал смеющимся над его словами банкирам вскрыть грудь недавно умершего скряги и убедиться в отсутствии в нем сердца. В жизнеописании святого читаем: толпа бросилась к дому скупого и обнаружила сердце мертвеца в нескораемом шкафу среди монет, чеков и закладных бумаг (Legenda..., 2007, с. 93–115). Этот вариант рассказа о Меце напоминает пример о скряге, чье сердце нашли в ларце с деньгами.

Близкие по содержанию главы *Зерцала* об умерших жадных богачах, схожи и в подаче темы «лакомства», где используются одинаковые способы визуализации. Один из них – сравнение. Сердце, охваченное грехом наживы, уподоблено тряпичному мешку с деньгами, а тело богача – сундуку. Сопоставления тела грешника или отдельных его частей, до краев наполненных монетами, встречаются в рассказах о скупцах на том свете: клирик, у самого себя подворовывавший деньги и распихивающий монеты по карманам; каноник, которого бес превращал в монету, расплющивая молотом; ростовщик, пережевывавший монеты, вкладываемые ему в рот бесами; процентщик, которого на том свете бесы заставляли есть раскаленные счетные камушки [Гуревич, 1989, с. 202].

Метафорические образы греха способствуют визуализации темы сердца, отягощенного «лакомством». С древнейших времен в христианской культуре внешнему виду бесовской нечисти соответствовал ряд зооморфных символов, олицетворяющих разные пороки (см. работы А. В. Амфитеатрова, А. Е. Махова, С. Ю. Неклюдова, Н. И. Толстова и др.). Змея и жаба – самые, пожалуй, известные из восходящих к библейской топике обликов зла. Ветхозаветный искуситель, имея в древней словесности широкую вариативность воплощения, не редко сопровождал сребролюбцев. Вспомним эпизод из жития Андрея Юродивого, запечатленный в иконографии святого при изображении грешника, вокруг шеи которого обвился змей [Комашко, Саенкова, 2007, с. 244–245].

Змеи как олицетворение страсти безмерного обогащения встречаются и в народном творчестве. Считалось, что они гнездятся там, где скупые прячут свои сокровища. По одной новгородской легенде, перед смертью старик спрятал деньги в онучи. Сыновья, разыскивая их, раскопали могилу и обнаружили змей, обвившихся вокруг ног их отца [Новичкова, 1995, с. 197]. Сюжет о змее, купившем сердце богача и поселившемся в сундуке с деньгами скряги, можно рассматривать в русле этих представлений.

Репутацию мерзкого и нечистого существа, несущего смерть и боль, жаба получила при пророке Моисее: во время второй из десяти казней, посланных Богом на египтян, случилось нашествие жаб (Исх. 8: 5–6). В Апокалипсисе с жабой, приобретшей в Новом Завете дьявольскую репутацию, сравнивались выходящие из уст дракона, зверя и лжепророка три бесовских духа, призывающие к брани в день Бога Вседержителя (Откр. 16: 13–14). В демонологическом контексте жаба, как принято считать, впервые фигурирует у Григория, еп. Турского († 594) в описании одержимости некоего Ландульфа-лунатика, по которому во время припадка прыгали жабы [Махов, 2006, с. 171].

В русском *Зерцале* довольно много сюжетов, в которых фигурируют жабы, олицетворяющие грех. Одну из них, безобразную, перед смертью увидел воин, изменявший жене (гл. 80). Другой грешник на исповеди «седем жаб скверных – се есть грехов, и седмь демонов изверже вон из себе» (гл. 606, л. 434 об.). Одна женщина, признаваясь священнику в грехах, выплевывала лягушек разной величины, но они снова заползали в ее рот из-за утаивания части проступков (гл. 711). А в лицо юноше, презиравшему родителей, вцепилась огромная лягува и отнялась после его раскаяния (гл. 703). В рассказе о богаче, где жабы слаженно действуют, наполняя сердце грешника монетами, они, как и в приведенных примерах, персонафицируют грех.

К словесным способам, вызывающим зрительную рефлексю, можно отнести фиксацию эмоций и действий персонажей, вербально-синонимические ряды выражения которой перемежаются с лексикой, обозначающей визуальное восприятие происходящего. Родственники первого мертвеца решили тело «осмотрить», но сердце «не обретеса», и удивились, «сие видеваше», открыли ларец, сердце и деньги «обретоша», но «видяще» змея, «со страхом отбегоша». Вор, «подзревше», как в гроб богача положили мешочек с деньгами, разрыл могилу и «узревше» жаб, но «видевше» их, «зело ужасошася» и, засыпав могилу, «прочь отбегоша».

Прямая речь персонажей служит еще одним художественным средством вербализации. Слова змея, разъясняющие суть его жестоких манипуляций с сердцем богача, заменяют в первом рассказе нравоучение, как правило, завершающее пример: «Се сердцу заплата от серебра и злата, мне бо прода его друг ваш, и мое есть и волю мою творю в нем». А содержание произнесенной фразы «Мы сердце твое ненасыщенное наполним», с которой одна из жаб усердно запикивала в разорванную мышцу монеты, помогает не только зримо представить описанную сцену, но и, благодаря вызываемым «картинкой» ощущениям страха, безразличности

и омерзения, физически ощутить ее. Характеристика внешнего вида животных и их действий «включает» воображение и фантазию. Змей «великий», сидит на сердце, «свився», мышцу «расторгая» на части; жабы «зело страшны» занимают на теле покойника свои места: одна – на мешке, подает монеты второй, которая, «раздрав сердце и перси», туда их вкладывает.

Оживающие в словесных описаниях образы змея и жаб, присвоивших сердца грешников, символизируют пагубную страсть, захватившую тело и душу человека. Для одновременно устрашающего и поучительного воздействия на читателя в рассказах *Зерцала* изображались жестокие манипуляции зооморфных существ с сердцем «лакомого». Метафорическую параллель змию-диаволу, рвущему сердце грешника на части, можно видеть в птицах с железными носами, вырывающих у грешников из сердца душу. Эти представители потустороннего мира из русской волшебной сказки, враждебные людям, тесно связаны с символикой телесной смерти и образами народной эсхатологии [Бессонов, 2012]. Еще одна параллель – адские псы, пожирающие сердце грешницы. В одной из новелл *Зерцала* (гл. 210), получившей своеобразную интерпретацию у Дж. Боккаччо, читаем: каждую ночь черный всадник настигает обнаженную девушку-блудницу, вырывает ее сердце и бросает собакам.

Сердце грешника, наполненное монетами или разорванное на куски, противопоставлено в *Зерцале* сердцу праведника, отмеченного знаками Бога. Различия в мотивированности действий, направленных на сердце, в итоге сводили понимание этого жизненно важного органа как средоточия души и человеческой сущности. Внимание в статьях *Зерцала* к содержимому миокарда свидетельствовало в первую очередь о значимости сердца в христианстве и подтверждало устойчивость в народной и книжной культуре представлений о нем как индикаторе силы духа и глубины веры.

Выводы

Сюжеты и темы западноевропейских сборников типа *exempla* охватывали самые разные ситуации из жизни средневекового человека, фокусируя при этом внимание читателя на добродетельном поведении и греховных поступках. Примеры праведности и охваченности человека грехом показывали, что искренняя вера, как и порочные страсти, концентрируются в человеческом сердце, которое, согласно христианской антропологии, есть «центральность» (термин Ю. М. Зенько) человеческого существа. «Никто из нас не может иметь сердца пустым, – учил Симеон Новый Богослов, – но <...> всякий имеет в сердце своем одно из двух: или благодать Духа Святаго посредством веры и добрых дел, или лукаваго диавола за неверие, нерадение о заповедях Божиих и делание злых дел» [Симеон Новый Богослов, прп., 1993, с. 337].

Образ сердца, олицетворяющий духовный мир христианина, открывающийся святым отцам при помощи «внутренних очей» и «богомысленно», в новеллах *Зерцала* подавался буквально. «Реалистичность» стигматов на сердечной мышце и констатация жестоких манипуляций с человеческим сердцем соответствовали средневековой религиозной рациональности, проявления которой уже в XIII в. отмечают исследователи в богословской и вероучительной традиции латинского христианства [Яцык, 2017]. Западные легенды о свт. Игнатии Богоносце и воине-мученике трактовали суть мистической связи праведников и всех верных христиан с Христом просто и «рационально» – в запечатленном на сердечной мышце золотого логотипа имени Христа. Образ сердца, терзаемый диаволом или наполненный монетами, олицетворял душу, захваченную грехом «лакомства» и наживы. Облики зооморфов, соотносимые в народном сознании с представителями потустороннего мира и символизирующие смертный грех, должны были не толь-

ко напугать читателя, но и напомнить ему о страшной посмертной участи нечестивцев.

Поучительные примеры о праведной жизни и о наказании за грех, изложенные с характерными для западной культурной традиции внешними эффектами, раскрывали содержание ключевого понятия христианской кардиогности с позиций религиозной рациональности: буквально и точно, просто и зримо. Особенности изложения и типичный для средневекового рассказа набор художественных средств (фиксация действий и эмоций персонажей, лексика, подтверждающая «визуальный опыт», метафоры и символы, сравнения и противопоставления, зооморфные образы и прямая речь), помимо их основной задачи способствовать занимательности повествования, стимулировали у читателей зрительное мышление, визуализируя словесный образ сердца. Уже более трех столетий эти небольшие по объему, но глубокие по дидактическому наполнению рассказы *Зерцала* вызывают живой интерес у русского читателя, который перелагает и копирует их, пополняя и без того богатую рукописную традицию сборника.

Список литературы

- Бессонов И. А.* Образ чудовищных птиц в эсхатологических рассказах // Живая старина. 2012. № 1. С. 4–7.
- Будур Н. В.* Повседневная жизнь инквизиции в Средние века. М.: Молодая гвардия, 2011. 374 с.
- Вербицкая А.* Великие тайны и загадки Средневековья. М.: Изд-во «Книжный Клуб семейного досуга», 2012. 416 с.
- Владимиров П. В.* «Великое Зерцало» (Из истории русской переводной литературы XVII в.). М.: В Универ. тип., 1884. XIV + 105 + 79 с.
- Воскобойников О. С.* Тысячелетнее царство (300–1300). Очерк христианской культуры Запада. М.: НЛЮ, 2015. 568 с.
- Гуревич А. Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М.: Искусство, 1989. 368 с.
- Демидова Л. Д.* «Христианоопасный щит веры...» инока Авраамия и идеология раннего старообрядчества: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2013. 30 с.
- Державина О. А.* «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М.: Наука, 1965. 438 с.
- Журавель О. Д.* К вопросу о влиянии «Великого Зерцала» на русскую литературу переходного периода // Изв. СО АН СССР. История, филология и философия. 1991. Вып. 3. С. 49–56.
- Комашко Н., Саенкова Е.* Русская житийная икона. М.: Книги WAM, 2007. 352 с.
- Ломакина И.* Голова Джа-ламы. Улан-Удэ, 1993. 256 с.
- Макарий Египетский, прп.* Духовные беседы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. 516 с.
- Махов А. Е.* HOSTIS ANTIQUUS: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. М.: Intrada, 2006. 416 с.
- Медведь А. Н.* Антропология болезни в Древней Руси (X–XVII вв.). Очерки истории. М.: ООО Издательство МБА, 2014. 232 с.
- Мелетинский Е. М.* Героический эпос // Словарь средневековой культуры. М.: РОССПЭН, 2003. С. 107–112.
- Новичкова Т. А.* Русский демонологический словарь. СПб.: Петербургский писатель, 1995. 640 с.
- Огурицов А. Ю.* Под высокую государеву руку // Кузнецкая крепость: Лит.-худож. альманах Управления культуры администрации г. Новокузнецка. Новокузнецк, 2005. № 1 (9).

Пименова М. В. Методика анализа и теоретические установки Кемеровской школы концептуальных исследований // Научный вестник Херсонского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2013. Вып. 18. С. 50–59.

Ромодановская Е. К. Великое Зерцало // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 507–510.

Симеон Новый Богослов, *прп.* Творения: В 3 т. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 2. 599 с.

Смирнов Ю. И. Сердце и печень врага // Сибирский филологический журнал. 2004. № 2. С. 4–25.

Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980. 704 с.

Хейстад У. М. История сердца в мировой культуре от Античности до современности. М.: Текст, 2009. 320 с.

Шустова Ю. Э. Символика сердца в эмблематическом сердце львовского Апостола 1666 года // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 9 (152). С. 123–131.

Яцук С. А. Представления о святости в официальной католической мысли второй половины XIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИВИ РАН, 2017. 30 с.

Studia Russica. Budapest, 2004. Т. XXI: Литература и визуальность / Redigunt A. Nan et Zs. Hetenyi. 436 s.

Список источников

Рукописные

ГИМ. Синодальное собр., № 101. Л. 32–475. 1680-е гг. Великое Зерцало. Первый перевод. Нумерация глав и листы (при цитировании) с пометой «Син. 101».

ОРКиР ГПНТБ СО РАН. Собр. М. Н. Тихомирова, № 316. Конец 1680-х гг. Великое Зерцало. Листы (при цитировании) с пометой «Тих. 316».

Печатные

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997–2000. Т. 1–6.

Козн Л. Блистательные неудачники: Роман. М.: ООО ИД РИПОЛ классик, 2005. 384 с.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М.: Гос. изд-во Худож. лит., 1957. 535 + 514 + 574 с.

Тихон Задонский, *еп.* Творения. М.: Синод. тип., 1889. 359 с.

Legenda «ASSIDUA». Первое житие святого Антония Падуанского. М.: Изд-во Францисканцев, 2007. 240 с.

S. K. Sevastyanova

*Rubtsovsk Industrial Institute (Branch) of the Altai State Technical University
Rubtsovsk, Russian Federation*

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, sevask@mail.ru*

Ways of visualization in the stories about the human heart in the Russian collection “The Great Mirror” (“Velikoe Zertsalo”)

The problem of the visual and the poetics of visibility are increasingly attracting researchers. Observing the phenomenon of verbal visibility and methods of speech practice that stimulate visual reception can improve the visibility of verbal “plastic” elements in ancient texts, encouraging the reader to see living paintings and images in his imagination. The paper character-

izes the elements of verbal objectivity that excite the reader's imagination and visual thinking. Three stories were selected: on the heart muscle of the Martyr with the Golden logo of the name of Christ and the myocardium of the sinner, tormented by a snake and toads. It is the first time when they are introduced into scientific circulation. The story of the warrior-Martyr is published in two versions: the manuscripts of Synodal collection No. 101 and from the collection of M. N. Tikhomirov. The second list contains the unknown translation text that differs lexically and stylistically from the text of the first official translation. The understanding of the heart as a vital organ and the focus of the spiritual essence of man is realized in the collection with the help of "external effects" and methods of presentation that cause visual reflection. These include the fixation of manipulations with the heart muscle, use of vocabulary reflecting the "visual experience," focus on the emotions of the actors, introduction of direct speech, zoomorphic images personifying the mortal sin in the culture of the Middle Ages. The conclusion is made that "The Great Mirror" stories reflect the stable medieval culture ideas about the significance of the heart.

Keywords: "The Great Mirror", theme of the heart, sacred marks, artistic means of visual reception, zoomorphic symbols of sin

DOI 10.17223/18137083/70/5

References

- Bessonov I. A. *Obraz chudovishchnykh ptits v eskhatologicheskikh rasskazakh* [The image of monstrous birds in eschatological stories]. *Zhivaya starina*. 2012, no. 1, pp. 4–7.
- Budur N. V. *Povsednevnyaya zhizn' inkvizitsii v Srednie veka* [The everyday life of the Inquisition in the Middle Ages]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2011. 374 p.
- Gurevich A. Ya. *Kul'tura i obshchestvo srednevekovoy Evropy glazami sovremennikov (Exempla 13 veka)* [Culture and society of medieval Europe through the eyes of contemporaries (Exempla of the 13th century)]. Moscow, Iskusstvo, 1989, 368 p.
- Demidova L. D. "Khristianoopasnyy shchit very..." inoka Avraamiya i ideologiya rannego starobryadchestva [The monk Abraham's "The Christian shield of faith..." and the ideology of the early Old Believers]. Abstract of Cand. hist. sci. diss. Novosibirsk, 2013, 30 p.
- Derzhavina O. A. "Velikoe Zertsalo" i ego sud'ba na russkoy pochve ["The Great Mirror" and its fate on Russian soil]. Moscow, Nauka, 1965, 438 p.
- Frezer D. D. *Zolotaya vetv'* [Golden branch]. Moscow, Politizdat, 1980, 704 p.
- Kheystad U. M. *Istoriya serdtsa v mirovoy kul'ture ot Antichnosti do sovremennosti* [History of the heart in world culture from Antiquity to the present]. Moscow, Tekst, 2009, 320 p.
- Komashko N., Saenkova E. *Russkaya zhitiynaya ikona* [Russian hagiographic icon]. Moscow, 2007, 352 p.
- Lomakina I. *Golova Dzha-lamy* [Ja Lama's head]. Ulan-Ude, 1993, 256 p.
- Makhov A. E. *HOSTIS ANTIQUUS: Kategorii i obrazy srednevekovoy khristianskoy demonologii. Opyt slovary* [HOSTIS ANTIQUUS: Categories and images of medieval Christian demonology. Experience of the dictionary]. Moscow, Intrada, 2006, 416 p.
- Makariy Egipetskiy, prp. *Dukhovnye besedy* [Spiritual conversations]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 1994, 516 p.
- Medved' A. N. *Antropologiya bolezni v Drevney Rusi (10–17 vv.). Ocherki istorii* [Anthropology of the disease in Ancient Russia (the 10–17th centuries). History Essays]. Moscow, MBA Publ., 2014, 232 p.
- Meletinskiy E. M. Geroicheskiy epos [Heroic epic]. In: *Slovar' srednevekovoy kul'tury* [Medieval culture dictionary]. Moscow, ROSSPEN, 2003, pp. 107–112.
- Novichkova T. A. *Russkiy demonologicheskiy slovar'* [Russian demonological dictionary]. St. Petersburg, Peterburgskiy pisatel', 1995, 640 p.
- Ogurtsov A. Yu. Pod vysokuyu gosudarevu ruku [Under the high sovereign's hand]. *Kuznetskaya krepost': Lit.-khud. Al'manakh Upravleniya kul'tury administratsii g. Novokuznetsk*. Novokuznetsk, 2005, no. 1 (9).
- Pimenova M. V. Metodika analiza i teoreticheskie ustanovki Kemerovskoy shkoly kontseptual'nykh issledovaniy [Methodology of analysis and theoretical principles of the Kemerovo conceptual research school]. *Naukoviy visnik Khersonskogo derzhavnogo universitetu. Seriya "Lingvistika"*. 2013, iss. 18, pp. 50–59.
- Romdanovskaya E. K. Velikoe Zertsalo [The Great Mirror]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2004, vol. 7, pp. 507–510.

Simeon Novyy Bogoslov, prp. *Tvoreniya*: V 3 t. [Creations: in 3 vols]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 1993, vol. 2, 599 p.

Smirnov Yu. I. Serdtse i pechen' vraga [Enemy heart and liver]. *Siberian Journal of Philology*. 2004, no. 2, pp. 4–25.

Shustova Yu. E. Simvolika serdtsa v emblemicheskom serdtse l'vovskogo Apostola 1666 goda [Symbolism of the heart in the emblematic heart of the Lviv Apostle of 1666]. *Bulletin of RSUH. Series: History. Philology. Culturology. Oriental Studies*. 2015, no. 9 (152), pp. 123–131.

Studia Russica. Budapešt', 2004, t. 21: *Literatura i vizual'nost'* [Vol. 21: Literature and visibility]. Redigunt A. Han et Zs. Hetenyi, 436 p.

Verbitskaya A. *Velikie tayny i zagadki Srednevekov'ya* [Great secrets and mysteries of the Middle Ages]. Moscow, Izd. Knizhnyy Klub semeynogo dosuga, 2012, 416 p.

Vladimirov P. V. "*Velikoe Zertsalo*" (*Iz istorii russkoy perevodnoy literatury 17 v.*) ["The Great Mirror" (From the history of Russian translated literature of the 17th century)]. Moscow, 5 Univer. tip., 1884, 14+105+79 p.

Voskoboinikov O. S. *Tsyacheletnee tsarstvo (300–1300). Ocherk khristianskoy kul'tury Zapada* [Millennial kingdom (300–1300). An essay on the Christian culture of the West]. Moscow, New Literary Observer, 2015, 568 p.

Yatsyk S. A. *Predstavleniya o svyatosti v ofitsial'noy katolicheskoy mysli vtoroy poloviny 13 veka* [Representations of holiness in official catholic thought of the second half of the 13th century]. Abstract of Cand. hist. sci. diss. Moscow, IWH RAS, 2017, 30 p.

Zhuravel' O. D. K voprosu o vliyani "Velikogo Zertsala" na russkuyu literaturu perekhodnogo perioda [To the question of "The Great Mirror" influence on Russian literature of the transition period]. *Izvestia of SB RAS USSR. History, philology and philosophy*. 1991, vol. 3, pp. 49–56.

List of sources

Handwritten

GIM. *Sinodal'noe sobr., no. 101. L. 32–475. 1680-e gg. Velikoe Zertsalo. Pervyy perevod. Numeratsiya glav i listy (pri tsitirovanii) s pometoj "Sin. 101"* [Synodal coll., no. 101, shts. 32–475, 1680s. The Great Mirror. The first transl. Numbering of chapters and sheets (when cited) with the notation "Syn. 101"].

ORKiR GPNTB SO RAN. *Sobr. M. N. Tikhomirova, 316. Konets 1680-kh gg. Velikoe Zertsalo. Listy (pri tsitirovanii) s pometoj "Tikh. 316"* [Department of rare books and manuscripts of the State Public Scientific and Technical Library of SB RAS. Coll. of M. N. Tikhomirova, no. 316. The end of the 1680s. The Great Mirror. Sheets (when quoting) with the note "Tikh. 316"].

Printed

Biblioteka literatury Drevney Rusi [The Library of Ancient Russia literature]. St. Petersburg, Nauka, 1997–2000, vols. 1–6.

Koen L. *Blistatel'nye neudachniki: Roman* [Brilliant losers: a novel]. Moscow, RIPOL classic Publ. Gr., 2005, 384 p.

Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: V 3 t. [Folk Russian fairy tales of A. N. Afanasyev: in 3 vols]. Moscow, Khudozh. Lit., 1957, 535 + 514 + 574 p.

Legenda "ASSIDUA". Pervoe zhitie svyatogo Antoniia Paduanskogo [The legend "ASSIDUA". The first life of St. Anthony of Padua]. Moscow, Franciscans Publ., 2007, 240 p.